

«Что делать, если мой бывший муж флиртует со мной?»

Онлайн-консультация.

Жду ответа.

Не срочно.

Всё-таки, прожив вторую жизнь — и даже успев побыть призраком, — Цзянь Нань стал куда спокойнее, рассудительнее.

Он поднял голову, впервые не избегая взгляда, и тихо, чистым голосом сказал:

— Иди поскорее высуши волосы. Простудишься.

Фраза должна была прозвучать как приказ, но в его мягком, чуть дрожащем голосе не было ни капли властности — только тёплая забота. Опущенные ресницы, покорный изгиб бровей, лёгкое смятение... Он походил на напуганного кролика, затаившего дыхание.

На миг Ли Чуань словно провалился в прошлое.

Когда-то Цзянь Нань был тем же послушным, прелестным мальчишкой — бегал за ним повсюду, звонко звал его «братом», беззаботный, светлый. Ли Чуань тогда не питал к нему особой неприязни... пока не понял, что мальчишка изменился.

Тот злополучный приём, где он устроил сцену на глазах у всех, стал последней каплей. И Ли Чуань предложил развод.

Теперь, глядя на него, он невольно подумал: всё-таки ребёнок...

Узкие глаза Ли Чуаня чуть прищурились; голос зазвучал с ленивой, тягучей насмешкой:

— Давненько не видел тебя таким разумным.

Цзянь Нань замер, будто споткнувшись о слова.

Они стояли слишком близко. Ли Чуань был выше — и Цзянь Наню приходилось поднимать лицо. Взгляд невольно упал на чётко очерченный подбородок, по которому скатилась капля воды, задержавшись на соблазнительном кадыке.

— Я всё хорошо обдумал, — мягко произнёс Цзянь Нань, стоя перед ним как на исповеди. — За всё прежде... прости. Я теперь буду думать, прежде чем говорить или делать что-то.

Ли Чуань лениво кивнул и, уже отворачиваясь, бросил:

— Надеюсь.

Дверь за его спиной тихо щёлкнула. Где-то дальше хлопнула дверь кабинета — и дом вновь погрузился в тишину.

Как только он ушёл, Цзянь Нань облегчённо выдохнул.

Сделав пару шагов, он рухнул на кровать. Хотел было обдумать, что делать дальше, но телефон в кармане вдруг завибрировал.

Дзинь-линь-линь...

Он достал мобильный. На экране высветилось: Дин Мо.

Вот уж неожиданно.

Он-то сам не спешил выяснять отношения, а этот не выдержал первым. Что ж, прекрасно. Сам напросился.

Цзянь Нань выровнял дыхание, нажал «принять вызов».

— Алло?

— Нань-нань, это А-Мо, — раздался на том конце голос с притворной заботой. — Как ты? Всё в порядке?

Цзянь Нань, удобно устроившись на кровати, лениво ответил:

— Развелся.

Дин Мо рассчитывал услышать рыдания, всхлипы, хоть какую-то драму. Но вместо этого — спокойствие, даже лёгкая скука.

Он осторожно уточнил:

— Тебе ведь... наверное, тяжело сейчас?

Цзянь Нань, лениво подпиливая ногти, небрежно ответил:

— Угу.

— ...

Совсем будто и не чувствует ничего!

Дин Мо едва не заскрипел зубами. Он столько сил потратил, чтобы довести Цзянь Наня до развода, чтобы тот страдал, терзался — а тот сидит себе спокойно, словно ничего и не произошло!

— Что-то ещё? — спросил Цзянь Нань, прикрывая рот зевком. — Спать хочу.

— Эй-эй, не вешай трубку! — воскликнул Дин Мо. — Я слышал, ты собираешься участвовать в «Вкус Китая»? Правда?

Цзянь Нань на миг задумался: Да, в прошлой жизни у него действительно был этот съёмочный график.

Он кивнул, словно сам себе:

— Ага.

— Ну и как, подготовился? — голос Дин Мо зазвучал с показной заботой.

Цзянь Нань отложил щипчики и спокойно ответил:

— Почти.

Дин Мо сиял от радости. Сам он тоже был в числе участников шоу, но готовить толком не умел — и паниковал.

Зато знал, что Цзянь Нань вырос в семье шеф-поваров, значит, рецепты у него под рукой.

Вот он и сказал, будто между делом:

— После развода тебе, наверное, совсем тоскливо? Не переживай, Нань-Нань, я завтра заеду к тебе — составлю компанию.

Украсть мои рецепты, да?

Цзянь Нань чуть склонил голову, уголки губ медленно изогнулись в ледяной усмешке.

Голос, однако, звучал мягко:

— Хорошо.

В полумраке его изящное лицо казалось холодным, почти нереальным.

Когда погас свет, юноша, сидящий на кровати, стал похож на демона из тьмы.

Слово за словом, спокойно, с пугающей ласковостью, он произнёс:

— Ты ведь мой лучший друг. Я позабочусь о тебе как следует.

Дин Мо почему-то ощутил, как по спине пробежал холодок. Но отступить было поздно — он натужно рассмеялся, согласился, и только потом разговор прервался коротким гудком.

Тишина снова накрыла комнату.

Цзянь Нань лёг, уставившись в окно. За стеклом кружил снег — густой, тихий, будто весь мир погрузился в безмолвие.

Мне грустно...?

В прошлой жизни, когда он развёлся с Ли Чуанем в двадцать четыре, — будто половину души вырвали.

Их семьи дружили ещё с детства.

Он был его «маленьким хвостиком» — шаг в шаг, тень за спиной.

Однажды дед Ли сказал, смеясь:

— Нань-Нань, а давай ты потом выйдешь за нашего Чуаня, а?

— Хорошо! — в тот миг он был счастлив, как никогда.

Он жил этой мечтой — безграничной, наивной. Не замечал холодного взгляда Ли Чуаня.

[Брак по соглашению. Взаимное невмешательство.]

Вот и сбылась мечта.

Он ждал этого годами, надеялся, что бумага обернётся любовью.

Но в том браке он был сорняком, пробивающимся в тени, растущим одиноко, без солнца и без слов.

За все эти годы — ни одного тёплого взгляда.

Мне грустно?

С уголка глаза скатилась прозрачная капля.

Цзянь Нань прижал ладонь к глазам.

Он всё ещё любил Ли Чуаня — но теперь уже без надежды.

Редко выпадает шанс снова жить среди людей.

Так пусть теперь всё будет ради себя.

Пусть хоть чуть-чуть солнца — даже сорняк имеет право расти.

На следующее утро.

Сквозь белые занавески струился солнечный свет, ложась на пол мягким сиянием.

Было ещё рано, но из кухни уже тянулся домашний запах — уютный, живой.

Когда Ли Чуань спустился вниз, завтрак уже был готов.

Ароматный чёрный рисовый каштан благоухал сладковатым теплом.

На белой фарфоровой тарелке лежали только что обжаренные хрустящие ю тьяо — румяные, аппетитные, вовсе не жирные.

Рядом — тонкая соломка жареной картошки, немного солёных овощей, а в плетёной корзинке — два варёных яйца, ещё тёплых.

Увидев, как Ли Чуань сходит по лестнице, Цзянь Нань первым поднял голову и приветливо

сказал:

— Доброе утро.

Ли Чуань застёгивал пуговицу на белой рубашке и ответил рассеянно:

— Мг.

Видно, только проснулся: движения ленивые, небрежные, черты лица — чуть мягче обычного.

Пуговицы застёгнуты кое-как, на лице — след вчерашней усталости, смешанный с неуловимой, притягательной дерзостью.

Цзянь Нань, словно пробуя почву, заговорил:

— После ночного снегопада всё замело. Наверное, водитель не может выехать, вот и задерживается. Может, позавтракаешь пока?

Ли Чуань накинул пальто и коротко бросил:

— Не голоден.

За столом повисла короткая пауза.

Цзянь Нань быстро отвёл взгляд, покорно кивнул:

— Понятно. Тогда ладно.

...

Движения Ли Чуаня внезапно замерли.

Странное дело — у людей, кажется, в крови живёт противоречие:

я не хочу, но если ты не предложишь, мне будет обидно.

И когда Цзянь Нань, вопреки ожиданию, отнёсся спокойно, будто ему действительно всё равно, — в душе у Ли Чуаня вдруг что-то шевельнулось.

Неожиданно.

Сбивчиво.

Как будто привычный порядок чуть сместился, и от этого стало не по себе.

Цзянь Нань взял ложку, лениво помешал кашу в кастрюле:

— Раз водитель не приехал, присядь пока, отдохни.

— Мг, — коротко откликнулся Ли Чуань.

Они снова погрузились в молчание.

Впрочем, и раньше, даже когда были замужние, в их доме тишина была обыденным фоном.

Запах каши постепенно наполнял пространство.

Цзянь Нань налил себе миску, взял изящную фарфоровую ложку.

Ел тихо, почти неслышно, хотя звуки глотков всё равно раздавались в тишине.

С дивана Ли Чуань скользнул взглядом в сторону.

За столом Цзянь Нань почти доел, теперь лениво откусывал от длинной ю тяо.

Золотистая корочка приятно хрустела, щеки у него чуть надуло, как у маленького хомячка, а на губах блестела капелька масла.

Юноша провёл по ней розовым языком — коротко, небрежно — и губы засияли влажным блеском.

Ли Чуань невольно задержал дыхание.

Хотя аппетита не было совсем, стоило лишь взглянуть, как Цзянь Нань ест, — и внутри что-то шевельнулось.

Странно.

Ли Чуань вдруг ощутил голод.

Но как же — он, прославленный актёр, национальный кумир, — может просто взять и сказать: «Хочу есть»?

Поэтому он лишь небрежно заметил:

— У меня сегодня утром пресс-конференция.

— А? — Цзянь Нань удивлённо повернул голову.

Ли Чуань, облокотившись на подлокотник дивана, опер щёку на ладонь и, словно между делом, пояснил:

— В восемь. Для Disco.

Цзянь Нань невольно почувствовал лёгкое смущённое тепло — раньше Ли Чуань никогда не рассказывал, куда идёт, что делает.

Он машинально глянул на часы на стене:

— Уже без десяти семь... Значит, у тебя сегодня напряжённое утро. Удачи, — сказал он с вежливой заботой.

— М-м. — кончиком пальца Ли Чуань лениво постукивал по дивану.

Повисла пауза.

Глаза в глаза.

И вдруг Цзянь Нань будто понял, в чём дело.

Он осторожно предложил:

— Если в восемь — боюсь, не успеешь позавтракать. Даже если сейчас не голоден, потом ведь времени не будет. Может, всё-таки поешь немного?

В глазах Ли Чуаня промелькнула едва заметная искорка удовлетворения.

На лице — ни малейшего намёка, только холодная вежливость, чуть снисходительный тон:

— Отказаться будет невежливо.

Он поднялся.

Высокий, широкоплечий, движения — точные, плавные, без лишней суеты.

Пара шагов — и вот он уже у стола. Стул скользнул по полу, мужчина сел.

Каждое движение — как сцена из фильма, выверенная, изящная, заставляющая задержать взгляд.

Цзянь Нань даже рот приоткрыл от удивления.

Кажется, меня только что красиво обманули. Но доказать нечем.

— Каша ещё тёплая, — сказал он, наполняя ему тарелку. — Попробуй. Я просто сварил, не знаю, придётся ли тебе по вкусу.

Ли Чуань взял ложку, пригубил — и тихо ответил:

— Я не придирчивый.

— Тогда сочту за похвалу, — усмехнулся Цзянь Нань, присаживаясь напротив.

Он знал, что тот лукавит.

Ли Чуань — человек с тонким вкусом. Его семья издавна была связана с кулинарным делом, их корпорация — лидер пищевой промышленности.

В такой среде вкус формируется рано: ни одна мелочь не ускользает.

Все знали — Ли Чуань страшно разборчив в еде.

Но, если подумать, он никогда не придирался к блюдам, приготовленным самим Цзянь Нанем.

Ли Чуань приподнял ресницы и посмотрел на него — взгляд лёгкий, но точный:

— Ты правда думаешь, я из тех, кто привередничает?

— Нет! Конечно, нет! — поспешил ответить Цзянь Нань.

Убедившись, что тот сказал это искренне, Ли Чуань позволил себе лёгкую, почти незаметную улыбку — и великодушно сменил тему.

После завтрака Цзянь Нань убрал со стола, перемыл посуду и, вытерев руки, сел неподалёку — с блокнотом и ручкой.

В комнате царила редкая для их дома тишина — спокойная, почти уютная.

Ли Чуань бросил на него короткий взгляд и, неожиданно для самого себя, спросил:

— Что пишешь?

— Рецепт. — Кончик пера скользил по бумаге, оставляя стройные, аккуратные линии. — Для первого тура шоу «Вкус Китая» нужно приготовить блюдо, связанное с темой «Луна». Я подумал сделать кристальный пирог — в форме полумесяца, с начинкой из османтуса и сахара...

Он рассказывал просто, без жеманства, — но всё равно ждал реакции. Хотел услышать, что он скажет.

— Это отборочный тур? — лениво уточнил Ли Чуань, откинувшись на спинку стула.

— Да. — Цзянь Нань кивнул.

— Понятно. — Лицо Ли Чуаня оставалось непроницаемым, будто высеченным из камня.

Цзянь Нань, прожив с ним бок о бок и даже умерев рядом, теперь слишком хорошо чувствовал малейшие оттенки его настроения. Он осторожно спросил:

— Ты... злишься?

Ли Чуань приподнял угол брови, посмотрел прямо на него:

— Помню, ты тогда сдал гаокао на шестьсот пятьдесят, верно?

Цзянь Нань удивился, даже растерялся — откуда он помнит такие мелочи?

— Да, — неуверенно улыбнулся он. — А что?

— Просто думаю, — в голосе зазвучала лёгкая насмешка, — мозгов у тебя немного, но результаты, видимо, случайно вышли неплохие.

Он улыбнулся — мягко, ослепительно, как будто весенний свет прорезал холодный воздух.

Эта улыбка была безупречна, но под ней таилась опасность.

— Так что, малыш, — тихо сказал он, — ты решил слить мне тему конкурса?

Цзянь Нань резко выпрямился:

— Нет... послушай, я не это имел в виду...

— Не хочу слушать, — перебил Ли Чуань, опуская ресницы. Голос стал холодным, ленивым: — Сегодня повезло, что это я. Но если бы на моём месте был кто-то другой, с амбициями, — ты бы даже не понял, как погиб.

Цзянь Нань замолчал.

Он ведь действительно... так и погиб.

Позвонил водитель: дорога во дворе обледенела, машины пока не пускают — нужно пройти пешком до ворот.

Ли Чуань ответил коротко и стал собираться.

Цзянь Нань заметил, что тот поел совсем мало:

— Может, возьмёшь молоко? Кальций пополнишь.

— Не нужно. — Ли Чуань накинул пальто, застегнул пуговицы. На пороге обернулся, уголок глаза чуть приподнялся — насмешливо, хищно:

— Сам выпей. Может, мозги заработают.

— ...

Дверь закрылась, оставив за собой тишину.

Цзянь Нань снова сел на прежнее место, открыл пакет с молоком, сделал глоток — и тихо усмехнулся.

Если память не изменяет, в прошлой жизни Ли Чуань был одним из судей «Вкуса Китая».

Так разве это утечка?

Нет.

Это просто способ показать — кто в этой истории украдёт чужой рецепт.

<http://bllate.org/book/12642/1121251>